

Приключения Оливера Твиста

Автор:

Чарльз Диккенс

Приключения Оливера Твиста

Чарльз Диккенс

Книги на все времена (Энас)

«Приключения Оливера Твиста» – один из самых известных романов классика мировой литературы Чарльза Диккенса. Он повествует о судьбе сироты, выросшего в приюте и отправившегося скитаться по свету в поисках своего счастья.

Для детей среднего школьного возраста.

Чарльз Диккенс

Приключения Оливера Твиста

Charles Dickens

The Adventures of Oliver Twist

Предисловие от издательства

Чарльз Диккенс (Charles Dickens, 1812–1870) – английский писатель, романист и очеркист – не нуждается в представлении. Самый популярный англоязычный

писатель при жизни, он и в наше время является признанным классиком мировой литературы, одним из крупнейших прозаиков XIX века. Творческое наследие Диккенса огромно, российским читателям наиболее известны его романы «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Приключения Оливера Твиста», «Дэвид Копперфильд», «Большие надежды», «Повесть о двух городах» и др.

«Приключения Оливера Твиста» (The Adventures of Oliver Twist) – второй роман писателя и первый в английской литературе, главным героем которого стал ребенок.

Это история мальчика-сироты, выросшего в мрачном сиротском приюте. Сбежав от голода, побоев и издевательств, Оливер оказывается в Лондоне и вынужден скитаться по его трущобам в поисках лучшей доли. Перипетии судьбы маленького героя так захватывающи, что роман по-прежнему вызывает неподдельный интерес у читателей всех поколений. Ведь он – о том, что хорошо известно каждому: о добре и зле, о семейных ценностях и преданности идеалам, о наказании пороков и торжестве добродетели. Трогательный и чистый душой мальчик, пережив множество невзгод и опасностей, все-таки будет вознагражден судьбой за свою стойкость и жизнелюбие...

Текст романа в великолепном изложении В. Лукьянской (1915 год) ориентирован на детей среднего школьного возраста. Издательство посчитало возможным подвергнуть его бережной литературной обработке. В книге использованы иллюстрации ирландского художника Джеймса Махони (1810–1879).

Глава I

О том, как появился на свет Оливер Твист

Невеселое детство выпало на долю маленькому Оливеру Твисту: он не знал отца и никогда не видел лица своей матери, потому что она умерла в тот самый день, когда он родился.

Никто никогда не ласкал его. Ничье лицо не склонялось над ним с любовью. Никто не шептал ему ласковых слов. Никто, когда он болел, не просиживал ночей над его кроватью, обливая слезами его и подушку, называя его «светиком ясным», своим «дорогим дитячком». Никто никогда не заботился о нем, кроме старой, ворчливой, полупьяной приютской сиделки, потому что Оливер Твист был круглым сиротой и родился в приюте для бедных.

Несколько лет тому назад, в один ненастный осенний вечер у дверей приюта небольшого английского городка появилась молодая женщина. Ни один человек в городе не знал, кто она и откуда, но по всему было видно, что она пришла издалека, потому что бедная женщина изнемогала от усталости, башмаки на ней были совершенно стоптаны и разорваны, а платье – все в пыли и в грязи.

Несмотря на то, что одежда незнакомки превратилась в лохмотья, по ее нежному лицу и по белым холеным рукам было видно, что она не простого звания. Кто знает, что заставило ее бродить по свету в холод и непогоду и привело сюда, в этот жалкий приют для бедных!

Несколько часов спустя у нее родился сын – слабое жалкое существо, долгое время не подававшее никаких признаков жизни. Этим ребенком и был Оливер Твист.

Холодной осенней ночью ветер уныло завывал в трубах и рвал с деревьев последние засохшие листья. Моросил мелкий дождик, дома заволокло туманом по самые крыши, огни в окнах давно погасли, и весь город был погружен в сон. Только в одном доме, в одном окне, светил слабый огонек. Это был приют для бедных.

Нагоревший сальный огарок, вставленный в бутылку, освещал тусклым неровным светом небольшую неопрятную комнату. Несколько простых деревянных стульев, большой облезлый камин да кровать посередине составляли все убранство комнаты. На постели лежала в забытьи больная женщина. Ах, как она была истомлена и бледна! Как мало жизни осталось в ее исхудалом, исстрадавшемся теле!

В комнате было совсем тихо. Только порой нагоревшая свеча принималась трещать и вспыхивать, освещая комнату неровным светом, да невесть откуда налетевший порыв ветра ударялся в дребезжавшие окна, и ветви старой ветлы под окном начинали вдруг качаться и бить по стеклам. Тогда больная вздрагивала, открывала на мгновение свои большие потускневшие глаза, обводила взглядом комнату и вновь погружалась в забытие. Порыв ветра уносился дальше, ветви ветлы переставали стучать по стеклам, и в комнате опять наступала мертвая тишина.

Кроме матери и новорожденного, тихо лежавшего в своей корзинке, в комнате было еще двое людей, но и они почти не подавали признаков жизни. Старая сиделка клевала носом, примостившись возле ребенка, и время от времени – должно быть, для подкрепления сил, – потягивала украдкой из зеленой бутылки, спрятанной у нее под стулом. А угрюмый старик доктор молча сидел у камина, повернувшись спиной к постели, и грел руки над огнем.

Но вот ребенок зашевелился, пискнул раз, другой, и вдруг разразился громким плачем. Молодая мать встrepенулась и открыла глаза. Что-то вроде счастливой улыбки пробежало по ее лицу. Собрав последние силы, она с усилием подняла голову с подушки и произнесла слабым, растроганным голосом:

– Дайте мне его! Я хочу взглянуть на него перед смертью!

– Тс-с-с! Кто тут говорит о смерти? – сказал доктор, торопливо подходя к больной. – С чего это вы вздумали умирать? Вам надо жить, чтобы вырастить этого молодца!

– Конечно, конечно, да благословит ее Бог, бедняжку! – поспешно подтвердила сиделка, поднося ребенка к матери. – Когда она, сэр, проживет с мое, да когда у нее, как у меня, будет человек десять детей, тогда она не будет так говорить! Зачем умирать? Вы еще, моя милая, сына на ноги поставите.

Но нет, больная знала, что ей суждено вскоре покинуть своего мальчика! Она печально покачала головой и протянула руки к ребенку.

Доктор положил новорожденного ей на грудь. Женщина порывисто прижала малыша к себе, страстно впиалась губами в его маленький лобик, а потом вдруг задрожала, провела рукой по лицу, точно стараясь что-то припомнить,

откинулась на подушку и впала в забытие...

- Вряд ли она переживет эту ночь, Тингоми, - сказал доктор сиделке.

- Навряд ли, - согласилась сиделка. - Я и сама так думаю, господин доктор. Бедная женщина!

- Если ребенок будет кричать, ни к чему посылать за мной. Дайте ему тогда немного кашицы, и все! - с этими словами доктор надел шляпу и направился к двери. На пороге он еще раз оглянулся на умирающую и прибавил: - А какая красивая женщина! Кто она? Откуда она к нам пришла?

- Ее нашли на улице возле нашего подъезда. У бедняжки, видно, не хватило сил даже постучать. А пришла она, должно быть, издалека, потому что башмаки у нее все стоптаны, а платье сплошь покрыто дорожной пылью.

Доктор ушел, а женщина через несколько часов умерла. Так маленький Оливер остался один на белом свете, едва успев родиться. В эту ночь новорожденный часто и громко принимался плакать. Бедный малыш! Он плакал бы еще громче, если бы мог знать, какая горькая, тоскливая, голодная жизнь ждет его в городском приюте!..

* * *

Кто не знает, что такое эти приюты, в один из которых попал на свое горе наш маленький Оливер, тому трудно будет себе представить, как плохо ему там жилось.

Городские власти собрали с прихода[1 - Приход - здесь: мелкая административная единица, имеющая орган самоуправления.] нужные деньги и устроили при городе несколько благотворительных учреждений: сиротский приют, приемный покой для больных, рабочий дом, - все было устроено, казалось бы, для помощи беднякам.

Газеты прославляли на все лады добрых людей, которые будто бы не щадили сил на помощь ближнему, хвалили их за доброе сердце. Сами благотворители только и толковали, что о своих хлопотах и заботах о «милых малютках»,

вверенных их попечениям. Но на самом деле – надо сказать правду – приходским властям не было решительно никакого дела ни до сирот, ни до бедняков. Им нравилось только получать похвалы и видеть свои имена в газетах. Собственно, только ради этого они все и устроили.

А жизнь в приходских приютах была, как мы уже говорили, очень плохая: всякий мало-мальски причастный к этому делу наживался на нем, сколько мог. Почти все деньги, которые приходское начальство собирало на нужды приюта, шли в карманы служащих, а беднякам доставались такие жалкие крохи, что на них едва можно было существовать.

Несчастные бедняки голодали, зябли, болели и вымирали от повальных болезней. Дети десятками погибали от дурного обращения, от несчастных случаев, которые случались там чуть не каждый день по недосмотру. Но все это было шито-крыто, а приходское начальство продолжало слыть образцом добродетели, трудящимся не покладая рук на благо несчастных. Бедняки же, как чумы избегавшие рабочего дома и пуще всего боявшиеся, как бы их дети не попали в сиротский приют, считались «неблагодарными тварями, не желающими понимать своего счастья».

* * *

Оливера вскормили соской, а потом отправили за город к одной старухе, которая брала малолетних детей из приюта к себе на воспитание. Она держала их у себя до девяти-десяти лет, – словом, до такого возраста, когда ребенка можно уже засадить за какую-нибудь работу или отдать кому-нибудь в учение.

Это занятие было очень выгодным для миссис Менн (так звали старуху), потому что приходское начальство платило ей деньги за содержание сирот. Но маленьким несчастным питомцам жилось у нее ох как несладко.

Миссис Менн вовсе не заботилась о них, дети росли у нее как трава в поле. Вечно грязные, нечесанные, плохо одетые, запуганные, они ползали по грязному полу, где их, того и гляди, могли раздавить, бродили по двору, копались в грязи, висли на заборах, таскали объедки у собак и набивали себе рты чем попало, потому что вечно были голодны. Одним словом, житье у сирот было самое горемычное. И немудрено, что дети, жившие у старухи Менн, помирали как мухи, и выживали только самые крепкие.

Но неужели, скажете вы, никто не знал об этом? Неужели некому было вступить за бедных ребятишек? Ведь в газетах писалось, что приходское начальство неусыпно заботится о вверенных им сиротах: эти «добрые люди» часто собирались вместе на совет и подолгу толковали о делах приютов. Такие собрания назывались у них «комитетами».

Но из всех этих комитетов выходило обычно мало толку. Старшины, заседавшие там, ничего сами не знали о том, что делается в приютах, и по простоте сердечной воображали, будто все там идет как нельзя лучше. Понятное дело, полагались они на доклады приходских смотрителей и других служащих, которые, разумеется, хорошо умели прятать концы в воду.

Время от времени кто-нибудь из городских старшин лично объезжал приходские учреждения, чтобы посмотреть, все ли там в порядке. Эти проверки производились обычно очень торжественно: начальник объявлял по всем приютам, что он приедет к ним в такой-то день и час. Всюду готовились к приему начальника: чистили, мыли и прибирали. За день или два к старухе Менн посылали старшего приходского сторожа Бамбла, чтобы предупредить ее о приезде проверяющего.

Само собой разумеется, что к этому дню все в доме миссис Менн принимало совсем другой вид: комнаты приводились в порядок, детей наряжали, мыли, кормили досыта. И детвора имела от этого такой довольный вид, что начальнику оставалось только любоваться на счастливых малышей и хвалить миссис Менн за ее материнскую заботу о бедных сиротах.

Глава II

Оливер попадает в приют

Наконец наступил день, когда Оливеру исполнилось девять лет и ему пора было оставить старуху Менн и вернуться в приют, чтобы учиться какому-нибудь ремеслу.

Невеселым выдался этот день рождения для маленького Оливера. Был ясный день, солнышко беспечно играло в голубом небе, птички весело чирикали в листве деревьев. А бедный Оливер сидел взаперти в темном и грязном угольном чулане вместе с двумя своими товарищами и горько плакал: сердитая старуха Менн только что высекла их и засадила сюда на целый день – ведь они посмели заикнуться, будто голодны.

Едва рассерженная миссис Менн успела войти в комнату после расправы с детьми, как вдруг, кинув невзначай взгляд в окно, к своему ужасу увидела у калитки приходского сторожа Бамбла, который старался отворить садовую калитку, не замечая того, что она заперта изнутри.

Старуха совсем не ждала Бамбла: все в доме, как нарочно, было не прибрано, дети разбрелись куда попало, а трое ребятишек сидели в угольном чулане в таком плачевном виде, что сторожу стоило только взглянуть на них, чтобы сразу понять, как дурно с ними обращаются. «А ну как он заметит что-нибудь да донесет в приход!» – мелькнула в голове миссис Менн ужасная мысль.

Но раздумывать было некогда: сторож начал уже не на шутку сердиться и так толкать калитку, что удивительно, как она еще не слетела с петель.

подавив свой страх, миссис Менн наскоро прибрала кое-что в комнате, засунула розги за сундук и, высунув голову в окно, воскликнула с притворным изумлением:

– Ах, Боже милостивый, да неужели это вы, мистер Бамбл? («Сусанна, тащи скорей ребят из чулана да умой их хорошенько», – приказала она шепотом своей служанке). – Как я рада вас видеть, мистер Бамбл! Пожалуйста, пожалуйста, сэръ! – продолжала она в окошко.

Но мистер Бамбл, тучный и раздражительный господин, вместо всяких любезностей в ответ на приветствие хозяйки принялся еще сильнее дергать калитку и под конец дал ей такого пинка ногой, что весь забор зашатался. Он страшно гордился своей важностью: носил треугольную шляпу и мундир, обшитый золотыми галунами, а ходил не иначе, как выпятив живот и закинув голову назад.

– Господи, кто бы мог подумать?.. – причитала старуха, поспешно выбегая навстречу к Бамблу. (В это время Сусанна успела уже увести наверх из чулана наказанных мальчиков и теперь изо всех сил хлопотала над ними, стараясь отмыть грязь с их заплаканных лиц и очистить угольную пыль с их одежды). – Ах, Боже мой, я и забыла совсем, что калитка заперта изнутри! – продолжала миссис Менн. – Я нарочно запираю ее изнутри, чтобы детки не уходили из сада. А то, сохрани Бог, вдруг что-нибудь случится с ними? Войдите же, сэр, прошу вас, войдите, мистер Бамбл! – сказала она, отворяя калитку и низко приседая в реверансе.

Но мистер Бамбл чувствовал себя оскорбленным.

– Уж не думаете ли вы, миссис Менн, что прилично заставлять городских служителей дожидаться у калитки вашего сада, когда они являются к вам по делам прихода? – спросил он, еще больше выпячивая грудь и закидывая голову назад. – Или вы забываете, миссис Менн, что вы облечены доверием прихода и получаете за это вознаграждение?

– Ах, нет, как можно об этом забыть, мистер Бамбл! Я только пошла сказать своим милым малюткам, что вы пришли, сэр. Ведь они так вас любят!

– Ну, хорошо, хорошо, миссис Менн, пусть будет по-вашему! – Бамбла явно смягчили слова старухи. – Пойдемте же в дом. Я явился по делам прихода, и мне нужно поговорить с вами.

Старуха проводила сторожа в маленькую комнату с кирпичным полом и с тусклыми окошками без занавесок, придвинула гостю стул, взяла у него из рук шляпу и палку и обтерла со стола пыль своим фартуком.

Бамбл важно опустился на стул и, достав из кармана большой клетчатый платок, стал отирать пот с лица.

– Пожалуйста, не прогневайтесь на то, что я вам скажу, мистер Бамбл, – вкрадчиво начала старуха. – Вам пришлось далеко прогуляться... Не выпьете ли чего-нибудь для подкрепления сил, сэр?

– Нет, нет, благодарствуйте! – отказался Бамбл решительным тоном, не допускающим возражений.

Но миссис Менн все-таки решилась продолжить.

– Не отказывайте мне, любезный мистер Бамбл, – пропела она еще более вкрадчиво, – одну лишь каплю, мистер Бамбл, с водой и с кусочком сахара...

Мистер Бамбл кашлянул.

– Самую малость! – продолжала убеждать его старуха.

– А что вы можете мне предложить? – поинтересовался приходский сторож.

– Ведь нельзя же не иметь в доме чего-нибудь укрепляющего. На случай, если дети захворают, – с этими словами миссис Менн открыла угловой шкафчик и вынула оттуда бутылку и стакан. – Это ром, мистер Бамбл. И просто чудесный ром, осмелюсь вам заметить, сэр.

– Как! Вы поите детей ромом? – удивленно поднял брови приходский сторож.

– А что прикажете делать? Приходится давать по столовой ложке, ведь дети вечно хворают! Хоть и дорогонько мне это приходится, – вздохнула старуха. – У меня нежное сердце, мистер Бамбл, и я не могу видеть, как они мучаются, сердечные...

– О, да, я знаю это! – одобрительно кивнул Бамбл. – Вам больно видеть их страдания, вы – добрая женщина, миссис Менн.

(Само собой разумеется, сторож прекрасно понимал, что ром покупается вовсе не для детей, а для услаждения самой миссис Менн. Но он не подал и виду, что понял это).

– Вы прекрасная женщина, миссис Менн, – продолжал Бамбл, когда старуха поставила перед ним стакан с ромом, разведенным водой, и сахарницу. – При первом же удобном случае я заявлю об этом в комитете. (Он пододвинул к себе стакан с ромом.) Вы им как настоящая мать, миссис Менн. (Он положил сахар и помешал воду с ромом.) За ваше здоровье, миссис Менн!

И сторож, запрокинув голову, выпил все одним глотком. Потом поставил порожний стакан на стол, вытер лицо клетчатым платком и сказал:

– А теперь приступим к делу. Не правда ли, ребенку, которому при крещении было дано имя Оливер Твист, исполнилось сегодня девять лет?

– Точно так, храни его Бог, бедняжку! – воскликнула слезливо старуха и вытерла глаза фартуком.

– Так вот, несмотря на все старания прихода, несмотря даже на обещанную денежную награду, мы так и не смогли узнать, кто были его родители и к какому сословию они принадлежали.

Миссис Менн в удивлении всплеснула руками:

– Так откуда же у него взялась фамилия?

– Я сам ее выдумал, – самодовольно приосанился приходский сторож.

– Вы, мистер Бамбл?!

– Как Бог свят! Мы, миссис Менн, даем фамилии нашим питомцам по начальным буквам, как они следуют в азбучном порядке. Последнему ребенку перед Оливером следовало дать имя на букву «С», ну я и назвал его Свеб. Этот подоспел к букве «Т» – и стал Твистом. Следующий ребенок получил фамилию Унвин, и так далее. Я заготовил фамилии на все буквы, а когда дойдем до последней, то начнем сызнова.

– Да вы, мистер Бамбл, просто сочинитель! – восхищенно воскликнула миссис Менн.

– Наверное, вы правы, я и впрямь сочинитель, миссис Менн, – скромно потупил глаза приходский сторож, явно польщенный этими словами. – Однако теперь Твист вырос, и ему нельзя дольше оставаться у вас. Комитет порешил взять его обратно в приют, и я самолично явился за мальчишкой. Приведите его сюда. Не хочу откладывать дел в долгий ящик и сейчас же возьму его с собой.

– Ах, признаюсь, сэръ, мне нелегко будет с ним расстаться, – притворно вздохнула старуха и пошла за Оливером.

Вскоре она вернулась назад, ведя своего питомца за руку. Служанка Сусанна уже успела умыть мальчика и, насколько это было возможно, вычистить его старенькую одежку.

– Поздоровайся с этим господином, Оливер, – сказала старуха.

Оливер поклонился, как умел.

– Так это ты Оливер Твист? – важно спросил приходский сторож, откидывая голову назад и кладя ногу на ногу. – Ну, что же, хочешь отправиться со мной в приют?

Услышав, что он может уйти из этого ненавистного дома, Оливер не поверил своим ушам. Его сердце сильно забилося, глаза заискрились. Мальчик уже открыл рот, чтобы сказать, что он, конечно, хочет, очень хочет поскорее уйти отсюда, но вдруг, подняв глаза, увидел за стулом Бамбла миссис Менн. Старуха грозила ему из-за спины сторожа кулаком и делала сердитое лицо.

Оливер тотчас же смекнул, чего она от него хочет. Он стал притворно тереть себе глаза кулаком и плаксиво спросил:

– А миссис Менн пойдет туда со мной?

– Нет, она не может пойти с тобой, – ответил Бамбл, а потом прибавил в виде утешения: – но она будет иногда приходить навещать тебя.

Тогда Оливер стал еще пуще тереть глаза и хныкать. От голода и от только что перенесенных побоев к его горлу уже давно подступал ком, и он вдруг расплакался по-настоящему.

А старухе только того и надо было: теперь сторож видел, как дети ее любят и не хотят с ней расстаться. Миссис Менн принялась ласкать мальчика, называла его самыми нежными именами и под конец – что для мальчика было гораздо приятнее! – дала ему кусок хлеба с маслом.

Итак, весь в слезах и с куском хлеба в руке, маленький Оливер был уведен сторожем Бамблом из этого негостеприимного дома, где ни одно доброе слово, ни один нежный взгляд не осветили его детства.

Однако он искренне заплакал, когда садовая калитка затворилась за ним. Как ни тяжело ему жилось за этой оградой, но там оставались его маленькие товарищи, которых он покидал. Они были его единственными друзьями, он любил их. И горько плакал, думая о том, что, может быть, никогда больше их не увидит.

Глава III

Заседание приходского комитета

Приходский сторож шел очень быстро, и маленький Оливер еле поспевал за ним. Чтобы не отстать, мальчику все время приходилось бежать вприпрыжку, ухватившись за жесткий обшлаг рукава Бамбла, обшитый золотым галуном. Он попробовал заговорить со сторожем, но тот, смягчившийся было от рома, опять стал сердитым и неприступным.

Так они дошли до приходского приюта, где Бамбл сдал Оливера на попечение какой-то старухе. Не прошло и четверти часа, как сторож опять пришел за Оливером и повел его в комитет.

Через несколько минут Оливер очутился в большой комнате с выбеленными стенами, где за большим столом, покрытым зеленым сукном, сидело человек десять господ. Это и был комитет. Посредине, в высоком удобном кресле восседал какой-то очень толстый старый господин с круглым бритым лицом. Все называли его председателем, и он, как заметил Оливер, был у них самый главный.

Увидев столько важных господ, Оливер испугался. Он не знал, куда ему деваться от смущения, и стоял весь красный, уставившись глазами в пол и комкая в руках свою шапку.

- Поклонись комитету, - сказал ему Бамбл.

Оливер, не поднимая глаз от пола, поклонился столу комитета.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросил его господин председатель.

Но Оливер не мог ничего ответить: слезы подступали к его глазам, и он только и думал о том, как бы не расплакаться.

– Какой дурак! – сердито проворчал один из сидящих за столом господ, а сторож Бамбл исподтишка пребольно стукнул мальчика палкой по спине.

Тут уж Оливер не мог сдержаться и, уткнувшись лицом в шапку, разрыдался.

Тогда толстяк заговорил с ним поласковее: видно было, что ему стало жаль мальчика и что он хочет его ободрить.

– Мальчик, послушай: ведь ты, конечно, знаешь, что ты сирота?

– А что это такое, сэр? – спросил Оливер.

– Нет, этот ребенок просто олух какой-то! – опять не выдержал сердитый господин.

Оливер заметил, что это сказал худой белокурый господин в белом жилете и с прыщами на лице.

– Тише! – остановил его председатель и снова обратился к Оливеру. – Ты ведь знаешь, мальчик, что у тебя нет ни отца, ни матери и что ты воспитываешься на счет прихода, не так ли?

– Да, сэр, – ответил Оливер сквозь слезы.

– О чем же ты плачешь, болван? – спросил его сердитый господин в белом жилете.

– Надеюсь, что ты молишься каждый вечер, – прибавил толстый председатель. – Молишься за тех, кто тебя кормит и заботится о тебе?

– Да, сэ, – прошептал мальчик, плохо понимая, что ему говорит толстяк, потому что никто никогда не учил его этому.

– Хорошо! Тебя привели сюда на воспитание: здесь добрые люди будут заботиться о тебе и научат полезному ремеслу, – сказал председатель.

– И поэтому ты начнешь завтра же с шести часов утра щипать пеньку[2 - Пенька – сырье из волокон конопли, применяемое для изготовления веревок.]! – прибавил господин в белом жилете.

После этого сторож Бамбл приказал Оливеру отвесить комитету низкий поклон и отвел его в другую комнату, где стояло рядами много простых деревянных кроватей: здесь спали приютские дети. В этот вечер маленький Оливер долго ворочался с боку на бок и плакал, прежде чем заснул в своей жесткой постели.

Глава IV

Жизнь Оливера в приюте

С этого дня для Оливера началась новая жизнь в приюте, – и какая плохая жизнь! Бедные дети не знали там ни игр, ни ласки, – они весь день должны были работать. Сироты сами мыли и прибирали в приюте, носили воду, мели двор, а в остальное время их заставляли щипать пеньку или выполнять еще какую-нибудь работу.

Никто никогда не ласкал их, никто не заговаривал с ними, не жалел их. Если вдруг их посылали погулять во двор, они не знали, что там делать, и ходили как потерянные. Эти дети не знали игр и смеха. Забитые, запуганные, полубольные, они стояли толпой где-нибудь в углу двора и робко посматривали по сторонам, словно не смея прямо взглянуть на свет Божий.

Но хуже всего было то, что их очень плохо кормили. Еды было так мало, что бедные ребятишки ни когда не могли наесться досыта и вечно голодали. Их собирали два раза в день в огромной пустой комнате с кирпичным полом. В одном конце комнаты был вделан в пол большой котел, из которого детям

раздавали жидкую похлебку. Она и составляла весь обед и ужин бедных сирот – больше им ничего не полагалось, только по большим праздникам к этому прибавлялся кусочек хлеба.

Приютский надзиратель стоял возле котла с большой ложкой в руках, и дети поочередно подходили к нему со своими крошечными мисочками. Надзиратель зачерпывал ложкой похлебку из котла и наливал из нее в первую подставленную миску, потом во вторую, в третью. Получившие еду отходили в сторону и принимались за обед.

Вечно голодные дети набрасывались на еду с жадностью, и через несколько минут в их мисочках ничего уже не оставалось. Они выскабливали свои мисочки так чисто, что их никогда не приходилось мыть: посуда и без того блестела, как вычищенная. Потом дети принимались облизывать ложку и свои пальцы, чтобы не потерять хоть каплю драгоценной пищи.

Не успевала последняя капля похлебки исчезнуть в их желудках, как несчастные сироты к своему ужасу обнаруживали, что они по-прежнему голодны. И когда надзиратель приказывал им уходить, они подолгу еще топтались на одном месте, словно не веря, что все уже кончено, и в каком-то тупом отчаянии поглядывая на котел.

Через час после обеда начинались настоящие муки голода, и дети пускались на всевозможные уловки, чтобы только уменьшить свои страдания: туго перетягивали поясами животы, сосали одежду, грызли что попадало под руку. Но ничего не помогало, и они еле могли дождаться вечерней похлебки.

Сироты постоянно жили впроголодь и от этого точно одичали. Ужасно было видеть их худые, обтянутые кожей личики, эти слабенькие, иссохшие тельца, тоненькие руки и ноги, жадные голодные глаза!

И однажды один из старших мальчиков заявил детям, что больше не может выносить этого, и если ему не дадут хоть раз поесть хорошенько, то он ночью съест кого-нибудь из своих маленьких товарищей. И так страшно сверкнул глазами и так стиснул зубы, что остальных детей охватил ужас.

Они поверили в страшную угрозу и теперь не находили себе места. Почти обезумев от страха, они собирались кучками, долго совещались и наконец

решили во что бы то ни стало выпросить у надзирателя второй паек похлебки и отдать его старшему товарищу. Но кто решится заговорить с надзирателем? Бросили жребий, и жребий этот пал на Оливера...

* * *

Наступил вечер, и детей собрали в большой комнате на ужин. Приютский надзиратель стоял в переднике возле котла с большой ложкой в руках, и две старухи, его помощницы, хлопотали около детей, раздавая им миски. Потом прочли молитву и начали раздавать еду.

Пока все обстояло благополучно: дети проворно подъедали похлебку и точно мыши скреблись в своих мисочках. Но вот последние остатки пищи исчезли в желудках сирот, и одна из помощниц скомандовала детям уходить из комнаты. Однако ребяташки не тронулись с места. Они топтались, перешептывались, толкали друг друга и делали знаки Оливеру, а соседние мальчики подталкивали его сзади.

Хотя Оливер был еще совсем ребенком, робким и застенчивым, но голод довел его до отчаяния. Он стиснул зубы, обдернул на себе курточку, страшно побледнел и, собравшись с духом, вышел из рядов и пошел прямо к надзирателю.

– Позвольте мне, сэр, еще немного похлебки, – сказал он прерывающимся от волнения голосом и протянул свою миску.

Если бы над головами присутствующих в этот миг разразился страшный удар грома, то и он не произвел бы, пожалуй, такого действия, как эти слова Оливера.

Толстый здоровяк надзиратель побледнел как полотно, выпучил глаза, уставился на Оливера, да так и замер со своей огромной ложкой в руках. Две старухи, его помощницы, вскрикнули и остолбенели от изумления с поднятыми вверх руками. Дети побледнели и замерли на своих местах. Все глаза были

устремлены на Оливера.

- Что-о? – проговорил наконец надзиратель, опомнившись от первого изумления.

- Позвольте мне, сэр, добавки. Я голоден, – с отчаянной храбростью, громко и отчетливо повторил Оливер, крепко сжимая в руках свою мисочку и глядя прямо в глаза надзирателю.

Но тут надзиратель кинулся на мальчика, ударил его ложкой по голове, схватил за шиворот и неистово завопил, призывая приходского сторожа. Старухи вторили ему отчаянным криком. Дети взвизгнули в один голос и вне себя от ужаса кинулись вон из комнаты.

* * *

В это самое время неподалеку от той комнаты, где все это случилось, происходило заседание комитета. Городские чиновники важно и степенно рассуждали о каких-то приходских делах, как вдруг в комнату ворвался взъерошенный Бамбл с перепуганным лицом и обратился к толстому председателю:

- Осмелюсь просить извинения, ваша милость, но сирота Оливер Твист взбунтовался и потребовал еще похлебки!

Его слова повергли членов комитета в полнейшее смятение, на лицах отцов города отразился ужас: в приюте бунт!

- Он потребовал еще похлебки?! – председатель не поверил своим ушам. – Придите в себя, Бамбл, и отвечайте толком. Должен ли я заключить из ваших слов, что сирота Оливер Твист потребовал добавки после того, как он съел свой паек, установленный правилами?

- Точно так, сэр, – подтвердил Бамбл.

Растерянные члены комитета с недоумением посматривали друг на друга. Да это неслыханная дерзость! С основания приюта не было ничего подобного!

– Я уже говорил и еще раз повторяю: этот мальчик дурак и плут! – произнес наконец с торжествующим видом прыщеватый господин в белом жилете. – Рано или поздно он кончит свою жизнь на виселице!

Немного оправившись от изумления, чиновники принялись совещаться. Что им делать с бунтовщиком Оливером?

После долгих дебатов было решено посадить мальчишку под замок. А на следующий день к воротам приюта прибили объявление, в котором было написано, что приходское начальство заплатит приличное вознаграждение всякому, кто захочет взять к себе в ученики сироту Оливера Твиста «для торговли, ремесла или другого какого-нибудь занятия».

Глава V

О том, как Оливер чуть не поступил в учение к трубочисту

Оливер неделю просидел взаперти в темной и пустой комнате. Он целыми днями плакал, а по ночам закрывал глаза своими маленькими ручонками, чтобы не видеть темноты, которая так пугала его, и, забившись в угол, старался поскорее заснуть. Время от времени мальчик просыпался и, дрожа всем телом, старался как можно ближе прижаться к сырой каменной стене, словно ища у нее защиты от холода и окружавшей его темноты.

По утрам Оливера выпускали во двор, чтобы он мог умыться у колодца. При этом сторож Бамбл ни на минуту не отходил от пленника и часто обижал его. Затем мальчика вели в общую комнату на молитву. К обычной молитве, которую читали все дети, было прибавлено теперь новое прошение: дети должны были просить Господа сделать их добрыми, послушными, довольными малым, а также уберечь их от грехов и пороков Оливера Твиста.

Но как-то раз утром Оливеру приказали надеть чистую рубашку и сказали, что он не будет больше сидеть взаперти. Мальчик не успел опомниться от удивления, как к нему вошел сторож Бамбл и принес миску похлебки с праздничным кусочком хлеба.

Все это было так неожиданно и необычно, что Оливер просто не знал, что и подумать. Слезы подступили к его глазам (бедный маленький Оливер, он только и делал теперь, что плакал днем и ночью!), и разрыдался.

- Полно тебе плакать, Оливер, а то глаза покраснеют. Успокойся и ешь, - сказал ему сторож. - Тебя отдадут в учение.

- В учение, сэръ? - переспросил мальчик.

- Да, Оливер, в учение, - кивнул Бамбл. - Добрые и великодушные господа, заменяющие тебе родителей, вводят тебя в жизнь, делают из тебя человека, хотя это и стоит им целых пять фунтов. Помилуй Господи, такие деньжищи за несчастного сироту!

Тут приходский сторож перевел дух и покосился на Оливера, чтобы посмотреть, какое действие произвели на мальчика его слова. По лицу Оливера снова потекли слезы. Мистер Бамбл остался этим очень доволен и пробурчал довольно миролюбиво:

- Ну, полно, парень, вытри глаза и не подливай слез в похлебку. Ведь это же просто глупо!

Это и в самом деле было очень глупо, потому что в приютской баланде и без слез Оливера было слишком много воды.

Оливер вытер глаза рукавом, наскоро поел и вышел из приюта вместе со сторожем.

* * *

Они шли к судье, который должен был закрепить условия договора между приходским начальством и тем человеком, который хотел взять к себе в учение Оливера.

По дороге Бамбл строго-настрого приказал Оливеру быть у судьи повеселее, не кукситься и не плакать.

– И запомни, Оливер, – закончил свою речь сторож, хмуря брови и крепко стискивая руку Оливера, – ты должен сказать господину судье, что тебе очень хочется идти в учение, а не то...

Но тут они очутились перед дверью судьи, и Бамбл так и не договорил, что будет с Оливером, если он не исполнит его приказания. При последних словах сторож так сильно сжал маленькую руку мальчика и так страшно нахмурил брови, что сердце Оливера сжалось от ужаса и в глазах у него потемнело.

Через мгновение они уже входили в комнату судьи. Это была просторная, высокая комната, с одним окном, темная, пыльная и пустая, точно нежилой сарай. Несколько стульев, большая старая конторка у окна да груды толстых пыльных книг на полке – вот и всё, что поначалу увидел здесь Оливер. Потом, немного оглядевшись, он обнаружил, что в комнате были и люди.

За высокой конторкой сидели два каких-то старых-престарых господина. Один из них читал газету и почти совсем ушел в нее, так что из-за большого листа виднелись только две руки да седая плешивая макушка. Другой старик, в больших круглых очках в черепаховой оправе, низко склонившись, разбирал какую-то лежавшую перед ним бумагу. Это и был сам судья.

Рядом с ним сидел председатель приходского комитета, краснолицый толстяк, который говорил с Оливером в первый день его поступления в приют. Мальчик тотчас же узнал его.

По другую сторону от конторки стоял какой-то взлохмаченный рослый мужчина, весь перепачканный в саже и угольной пыли, с целой шапкой нечесаных волос на голове. Он нетвердо стоял на ногах, то и дело переступая с ноги на ногу и комкая в руках свою шапку.

Оливер покосился в его сторону и не мог отвести глаз от этого человека. Подумайте только: лицо у него было совсем черное, а на нем ярко выделялись зубы да налитые кровью белки глаз.

Мальчик никогда раньше не видел трубочистов и вообразил, что странный человек так и родился на свет с черным лицом. И это так напугало Оливера, что он замер на месте.

Впрочем, неудивительно, что лицо трубочиста Гемфилда испугало мальчика: даже не будь черным, оно все равно было бы страшным, поскольку на нем отпечатались грубость, черствость и жестокость.

Этот Гемфилд был очень злым и неприятным человеком, он славился по всему околотку как отпетый пьяница. Все знали, что он бьет свою жену и тиранит своих учеников, и поэтому никто не хотел отдавать к нему в учение своих детей. А между тем трубочисту при его ремесле всегда требуется мальчик. Вот в такое-то затруднительное время Гемфилду и довелось проходить мимо приходского приюта и увидеть объявление про Оливера. Трубочист тотчас же отправился переговорить с приходским начальством и сказал, что он согласен взять к себе в учение мальчика, про которого написано в объявлении. Они скоро столковались, и теперь оставалось только закрепить договор у судьи.

Бамбл стоял на пороге, держа за руку Оливера, и ждал, когда его позвуют. Но на них никто не обращал внимания: приходский председатель задумчиво чертил что-то на бумаге, старый судья, видно, разбирал лежавшую перед ним бумагу да и задремал над нею. Другой старик совсем ушел в свою газету и, кажется, тоже заснул.

В комнате царила полная тишина, только где-то за окном билась и жужжала муха, попавшая в паутину, да трубочист Гемфилд время от времени переступал с ноги на ногу, отворачивался и сплевывал в угол, вытирая лицо грязным рукавом.

Наконец Бамбл решился прервать молчание и, подводя Оливера к столу, сказал:

– Вот мальчик, сэр.

Господин, сидевший за газетой, встрепенулся и, дернув осторожно за рукав старого судью, разбудил его.

– А, так это мальчик? – пробормотал судья, просыпаясь и уставившись на Оливера. – Прекрасно, прекрасно! Ну и что же, он не прочь идти в трубочисты?

– Еще бы, сэр, да он просто обожает ремесло трубочиста, – поспешно ответил приходский сторож, исподтишка толкая ногой Оливера, чтобы тот не посмел противоречить.

– Так, стало быть, он хочет быть трубочистом, не правда ли? – переспросил судья.

– Ах, ваша милость, да если его отдать в другое ремесло, он сбежит, непременно сбежит! Этот мальчик просто спит и видит, как бы ему сделаться трубочистом, – уверял Бамбл.

– А это и его будущий хозяин, – сказал старый судья. – Ведь я не ошибаюсь, сэр, вы его будущий хозяин? Вы будете хорошо с ним обращаться, не правда ли? Вы будете хорошо кормить его и заботиться о нем?

– Коли говорю да, так значит да! – грубо ответил трубочист, с досадой сплевывая в сторону.

– Гм! Ваша речь грубовата немного, добрый человек, но я вижу по лицу, что душа у вас прекрасная и вы, вероятно, будете заботиться о бедном сироте, – сказал судья.

Судья был очень стар. Он уже плохо видел и от старости наполовину выжил из ума. Поэтому неудивительно, что он видел совсем не то, что замечали другие.

– Ну, если мальчик сам хочет быть трубочистом, пусть идет в трубочисты, – продолжал судья и, взяв перо и поправляя очки на носу, стал искать глазами чернильницу, чтобы подписать договор.

Это была решающая минута в жизни Оливера. Если бы чернильница стояла на том месте, где искал ее старый судья, он обмакнул бы в нее перо и преспокойно подписал бы условие, по которому Оливер сделался бы на долгие годы учеником Гемфилда.

Но случилось так, что чернильница стояла именно там, где она и должна была стоять, – перед самым носом судьи, а он напрасно блуждал глазами по столу, ища ее где-то на краю стола. И пока старик искал чернильницу, его глаза встретили вдруг лицо Оливера. И столько страха и отчаяния отражалось на этом детском лице, в этих темных, подернутых слезой глазах, что даже старый полуслепой судья заметил это.

Он остановил на ребенке долгий пристальный взгляд, потом перевел его на будущего хозяина мальчика, затем опять посмотрел на ребенка, положил перо на стол и задумался...

Через минуту он опять поднял голову и сказал Оливеру ласковым, тихим голосом:

- Дитя мое...

От этих слов Оливер вздрогнул: никто никогда еще не говорил с ним так ласково, никто никогда не называл его этим нежным словом. Что-то сдавило ребенку горло, он закрыл лицо руками и разрыдался.

- Дитя мое, - ласково продолжал старый судья, - ты бледен, ты испуган. Что с тобой?

- Отойдите от него! - сказал Бамблу другой старик.

Он, должно быть, заметил, что сторож толкает мальчика, и, отложив свою газету, тоже участливо наклонился к Оливеру:

- Что с тобой, бедный мальчик? Не бойся же и говори прямо все, что у тебя на душе. Здесь никто не сделает тебе ничего худого!

Тогда Оливер упал на колени и стал умолять добрых господ, чтобы его лучше опять отправили под замок, морили голодом, били, мучили, только не отдавали этому страшному человеку!

Услышав это, судья всполошился, покраснел и наотрез отказался подписать условие с трубочистом.

- Отведите ребенка назад, да обращайтесь с ним получше! Он, кажется, очень в этом нуждается, - сказал он.

Это были последние слова старого судьи, которые слышал Оливер, в слезах выходя из его дома.

На следующее утро на дверях приюта снова появилось объявление, в котором обещалось приличное вознаграждение всякому, кто возьмет к себе в ученики мальчика по имени Оливер Твист.

Глава VI

Оливер становится учеником гробовщика

Через несколько дней в приют зашел гробовщик Сауэрберри. Он хотел взять к себе Оливера на пробу и обещал оставить его у себя учеником, если мальчик окажется смышленным.

В приюте хорошо знали Сауэрберри, потому что он был всегдашним поставщиком гробов во все приходские приюты и заведовал всеми приходскими похоронами. Поэтому Оливера со сторожем Бамблом отправили к нему тем же вечером.

И они снова шли вместе по городским улицам, как и в тот раз, когда Оливер уходил от старухи Менн. Как и тогда, сторож Бамбл важно шагал впереди, словно не замечая, что мальчик совсем выбивается из сил и бежит вприпрыжку, чтобы не отстать от него.

Был холодный ветреный день. Оливер очень озяб, его руки покраснели, глаза слезились, волосы растрепались. Ледяной ветер забирался мальчику в рукава, за воротник, мешал ему идти. От его порывов фалды длиннополого сюртука мистера Бамбла раздувались и били мальчика по лицу.

Ребенок еле шел, спотыкаясь на каждом шагу, поминутно поправляя валившуюся с головы шапку, и просто выбился из сил, когда сторож соблаговолил наконец взглянуть на него.

– Оливер! – окликнул он мальчика.

– Что вам угодно, сэр? – отозвался Оливер слабым голосом.

- Не надвигай так шапку на глаза и держи голову прямее!

Оливер быстро поправил шапку и провел рукой по глазам. Он всячески старался сдерживать слезы, но это ему плохо удавалось. Тогда он закрыл лицо руками, и целый поток слез полился между его тоненькими пальцами.

- Так и есть! - сердито воскликнул сторож. - Опять распустил нюни! Право же, ты самый скверный из всех неблагодарных и противных мальчишек, каких я когда-либо видел!

- Нет-нет, сэр, не говорите так! - живо воскликнул Оливер, ухватившись за руку, в которой сторож держал так хорошо знакомую мальчику палку. - Добрый мистер Бамбл, не говорите так!..

- Что-о?

- Я буду умным, сэр, я постараюсь быть умным... Я такой маленький мальчик, сэр... Я так... так...

- Что ты хочешь сказать? - спросил удивленный сторож.

- Я так несчастен, сэр, так всеми оставлен! - проговорил мальчик, всхлипывая. - Все ненавидят меня... О, будьте хоть вы добры ко мне, не сердитесь...

И, прижав руки к своей впалой груди, ребенок посмотрел в лицо сторожа такими молящими робкими глазами, что чопорному сторожу стало не по себе.

И, удивительное дело, в сердце мистера Бамбла как будто шевельнулось давно забытое им чувство жалости и сострадания к бедному беспомощному ребенку.

Сторож долго смотрел на мальчика, и взгляд его был уже не таким сердитым. Потом он взял Оливера за руку и хотел что-то сказать, но слова словно застряли у него в горле. Бамбл провел рукой по глазам, поправил галстук, откашлялся и, проворчав себе под нос что-то про «этот несносный кашель», продолжил путь.

Они пошли дальше, все так же молча, но теперь сторож шел медленнее, стараясь соразмерять свои шаги с шагами ребенка, и бережно вел того за руку.

* * *

Когда Бамбл с Оливером пришли к гробовщику, уже совсем стемнело. Они зашли в лавку. Мрачное помещение с низким закоптелым потолком освещала всего одна свеча, делая комнату с закрытыми ставнями еще более неприглядной. На полу было много сора, в углах полно паутины. По стенам стояли рядами гробы, а посередине красовался большой недоконченный гроб на черной подставке, усыпанный стружками, гвоздями и обрезками черного сукна.

Возле свечи, согнувшись над старой конторкой, сидел широкоплечий мужчина с круглым добродушным лицом и записывал что-то в толстую книгу, щелкая громко на счетах. Это и был сам гробовщик Сауэрберри.

– А, это вы, мистер Бамбл! – сказал он, поднимая голову от своих счетов, когда сторож с мальчиком вошли в лавку.

– Собственной персоной, мистер Сауэрберри, – ответил Бамбл. – Я привел вам мальчика.

– А! Ну, давайте его сюда! Посмотрим, каков ваш мальчик! – усмехнулся гробовщик и, взяв свечу в руки, поднес ее к самому лицу Оливера и стал пристально его разглядывать.

– Душенька, выдь-ка сюда на минутку! – крикнул он.

В дверях тотчас же показалась маленькая худая женщина с впалой грудью и очень неприветливым лицом.

– Это, душенька, мальчик из приюта, о котором я тебе говорил, – сказал ей гробовщик вкрадчивым голосом.

– Господи, как он мал! – всплеснула руками его жена.

– Ну, это не беда, – сказал Бамбл. – Он и вправду маловат, но он вырастет, миссис Сауэрберри. Вот увидите, как он скоро вырастет!

– Да еще бы, на наших хлебах-то! – раздраженно воскликнула миссис Сауэрберри. – Я всегда говорила, что держать приютских детей нет никакой выгоды, решительно никакой. Они обходятся гораздо дороже того, что сами стоят. Но моего мнения слушать не захотели. Ведь мужчины всегда делают по-своему!

Бросив сердитый взгляд на мужа, который и без того совсем растерялся, она отперла боковую дверь и втокнула Оливера в темный сырой погреб, служивший им кухней, где сидела грязная служанка в стоптанных башмаках и в таких рваных синих чулках, что их уже невозможно было заштопать.

– Шарлотта, – сказала ей жена гробовщика, – дай-ка этому парню поесть. У тебя есть там куски холодного мяса, что я отложила для Трипа, отдай их мальчишке. Трип может оставаться без ужина, раз он с утра где-то шляется. А этот голодранец наверняка съест их с удовольствием.

Шарлотта достала с нижней полки шкафа тарелку с засохшими кусками мяса, отложенными было для собаки. Если бы вы видели, с какой жадностью накинулся на них бедный голодный мальчик! Ведь для него это был поистине царский обед...

Оливер ел торопливо, набивая рот обеими руками, еле прожевывая куски, а хозяйка внимательно наблюдала за ним и постепенно приходила в ужас от того, как он много ест.

Наконец на тарелке ничего не осталось. Оливер подобрал последние крошки, вытер рот рукавом и сложил руки.

– Ну, – сказала жена гробовщика, – закончил ты есть?

– Да, благодарю вас, миссис, – ответил мальчик.

– Слава Богу! Ну, теперь ступай со мной.

Она сняла со стены маленькую тусклую лампочку с разбитым закоптелым стеклом и повела его назад в лавку. Там уже никого не было: мистер Сауэрберри ушел спать и унес с собой свечку, а Бамбл ушел домой.

– Ложись здесь, за прилавком, – велела хозяйка. – Надеюсь, ты не боишься спать между гробами?

Впрочем, если бы и боялся, так все равно тебе придется спать здесь, потому что больше нигде...

С этими словами она поставила лампу на прилавок и ушла.

Глава VII

О том, как Оливер осваивал профессию

Оставшись один в лавке гробовщика, Оливер быстро разделся, сел на жесткий тюфячок, посланный ему за прилавком, и огляделся. Тусклая лампа с захватанным стеклом светила плохо, и в комнате было почти темно. По стенам стояли рядами крышки от гробов и бросали длинные черные тени на потолок. От всякого движения Оливера тени разбегались по потолку и по стенам, отчего мальчику становилось не по себе. В лавке пахло сыростью, чем-то затхлым... Тишина в лавке была глубокая, и от этой тишины Оливеру стало очень грустно и жутко.

Мальчик потушил лампу и попытался поудобнее устроиться на своем жестком ложе. В комнате стало совсем темно, Оливеру стало еще страшнее: черные гробы все еще смутно виднелись в темноте, и ему казалось, что кто-то страшный вот-вот поднимется из большого гроба, стоявшего посередине комнаты, и тогда он непременно умрет от страха.

Но не только страх не давал спать Оливеру: он был один в незнакомом месте. Где-то за стеной были другие люди, которых он не знал до сегодняшнего дня. У них были свои заботы, свои радости, а до него им не было никакого дела. И, лежа здесь, в этой чужой комнате, Оливер больше чем когда-либо чувствовал себя одиноким – ах, каким одиноким! У него не было друзей, которые думали бы теперь о нем и жалели бы его. Ему тоже не о ком было заботиться. Он был совсем один, всегда и везде!

И хотя у мальчика никогда не было близких и он не понимал, что с ним происходит, но ему было очень тяжело лежать здесь одному. Так хотелось, чтобы кто-нибудь приласкал его... Сердце Оливера было полно глубокой тоски, и он горько плакал, пряча лицо в подушку, долго ворочался с боку на бок и заворачивался с головой в одеяло, чтобы не видеть гробов, которые его так пугали. Когда ему наконец удалось забыться тяжелым сном, уже начало светать.

Разбудил мальчика страшный удар в дверь. Он вскочил с постели и едва смог разлепить глаза. Было утро. Сквозь широкие щели в ставнях в комнату проникал слабый дневной свет.

Оливер с трудом вспомнил, где он, и кинулся наскоро одеваться. Но нетерпеливый посетитель не хотел ждать ни минуты; раздался новый удар в дверь, еще сильнее прежнего, еще и еще – удары так и сыпались один за другим и не прекращались ни на минуту.

– Да откроешь ты наконец дверь, негодный мальчишка? – закричал с улицы чей-то сердитый голос.

– Сейчас, сейчас, сэр, погодите минутку, – ответил Оливер, застегивая на ходу пуговицы и силясь дрожащими руками отпереть дверь.

– Ты, должно быть, новый ученик? – спросил тот же голос.

– Да, сэр.

– А сколько тебе лет?

– Десятый год, сэр.

– Ну, погоди ж ты у меня! Дай только войти, и я покажу тебе, как морозить добрых людей на улице! Узнаешь, где раки зимуют, приютское отродье!

Оливер отворил дверь и выглянул на улицу. Он посмотрел направо, потом налево, но поблизости никого не было видно, кроме толстого мальчишки, который сидел на тумбе перед самой дверью, болтал ногами и уплетал кусок хлеба с маслом.

– Извините, – обратился к нему Оливер, еще раз окидывая недоуменным взглядом пустую улицу, – не знаете ли вы, кто сейчас стучал?

– Это я колотил в дверь ногами, – ответил мальчик спокойно, продолжая уписывать свой завтрак.

– Вам, может быть, нужен гроб, сэр? – спросил Оливер в сердечной простоте.

От этих слов мальчик пришел в неопишную ярость и сообщил Оливеру, что ему самому скоро понадобится гроб, если он будет позволять себе такие штуки со старшими.

– Ты, скверный мальчишка, должно быть, еще не знаешь, кто я? – заносчиво спросил он Оливера.

– Не знаю, сэр, – робко признался тот.

– Я – мистер Ноэ Клейпол, старший ученик гробовщика Сауэрберри, и ты будешь у меня под началом. Ну, снимай ставни, дурень, да двигайся попроворней!

И с этими словами он важно вошел в лавку.

Оливер принялся снимать ставни. Они были очень большими и тяжелыми, и Оливеру было трудно справиться с ними, а Ноэ и не думал ему помочь. Он только все время командовал Оливером, покрикивал на него и бранился.

Когда все в доме встали, служанка гробовщика Шарлотта позвала мальчиков в кухню пить чай.

– Ах, здравствуйте, мистер Ноэ, садитесь поближе к огоньку! – пригласила она старшего ученика. – Закусите-ка! Я припрятала для вас чудесный кусочек ветчины от хозяйского завтрака. А ты, Оливер, запри дверь за мистером Ноэ. Ну, теперь бери свой хлеб и чай и иди есть вон туда, на сундук, в угол. Да смотри, ешь попроворнее, а потом отправляйся сторожить лавку.

– Слышишь, что тебе говорят, мерзкий найденыш? – подал голос Ноэ, важно развалившись на стуле и набивая рот ветчиной.

– Полно вам, мистер Ноэ! – упрекнула его Шарлотта. – Какой вы, однако, сердитый, просто ужас! Оставьте мальчишку в покое.

– Оставить его в покое? – переспросил Ноэ. – Да разве он и без того уже не оставлен всеми в покое? Ни отец, ни мать не заботятся о нем. Все родственники оставили его в покое! Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха! Ну и шутник же вы, мистер Ноэ, вот ведь что придумали! – покатила со смеху служанка.

И они долго потешались над бедным Оливером, а тот сидел себе молча на сундуке, в углу кухни, и ел черствые куски хлеба, данные ему Шарлоттой.

* * *

Прошло недели три. Оливер жил у гробовщика и работал как каторжный. Он подметал, прибирал и стерег лавку, бегал за покупками, подавал хозяину молоток и гвозди, когда они с Ноэ мастерили гроб, помогал Шарлотте, прислуживал хозяйке и ни от кого не слышал доброго слова.

Хозяйка была сердитой и ворчливой женщиной; она никогда ничем не была довольна, всегда бранилась и попрекала Оливера каждым съеденным куском. Хозяин, хоть и был от природы добродушным, но так страшно боялся своей жены, что не смел сказать Оливеру ни слова. Шарлотта совсем загоняла мальчика, а про Ноэ Клейпола и говорить нечего: тот совсем перестал что-либо делать и всю работу свалил на Оливера, командовал им и всячески издевался.

Мать Ноэ была бедной прачкой, а отец – отставным солдатом с деревянной ногой. Они жили в богадельне и с радостью отдали своего сына в учение к гробовщику, потому что сами с трудом перебивались с воды на хлеб. Много мучений пришлось вынести Ноэ в первое время, когда хозяева посылали его куда-нибудь за поручением: все уличные мальчишки дразнили его «богаделенкой» и всячески потешались над ним. И немало горьких минут провел бедный Ноэ в темном углу лавки гробовщика, плача от обиды.

Но в конце концов Ноэ озлобился: научился отвечать ругательствами на насмешки уличных мальчишек и не придавать им никакого значения. Можно было подумать, что он примирился со своим положением, но на самом деле было иначе: он только затаил в душе свою злобу. Поэтому, когда под его начало попал бедный сирота из приюта, который был гораздо меньше и слабее его, Ноэ стал вымещать на нем все свои прежние обиды и насмешки. Это было сущим мучением для бедного Оливера.

Через месяц хозяин окончательно решил оставить у себя Оливера учеником и стал брать его с собой на похороны. Мальчика обрядили в черное платье, а на голову надели шляпу с большими полями, обвязанную вокруг тульи длинной черной кисеей, которая спускалась сзади почти до самой земли, – в таком наряде мистер Сауэрберри посылал его идти впереди гроба.

Эта выдумка понравилась горожанам, и многие стали ради этого приглашать Сауэрберри заведовать у себя похоронами. У гробовщика прибавилось работы. Женщины умилялись при виде маленького бледного ребенка с грустным личиком, идущего в глубоком трауре впереди гроба. Они ласкали его, совали сласти. Ноэ Клейпол страшно завидовал Оливеру и поэтому стал еще больше придирается к бедному мальчику и дразнить его.

Но самому Оливеру его новое занятие вовсе не казалось завидным. Робкий от природы, он испытывал неловкость от того, что все смотрят на него, когда он идет перед гробом в своей странной одежде. К тому же он был очень впечатлительным мальчиком, и чужое горе тяжело ложилось ему на сердце. А уж горя зачастую бывало с избытком на тех похоронах, куда брал его хозяин.

Особенно запомнились ему одни похороны. В его память накрепко впечатались малейшие подробности того дня, и Оливер за всю свою жизнь так и не смог их забыть.

* * *

Как-то утром в лавку пришел приходский сторож Бамбл и подал гробовщику какую-то записку.

– Ага, – сказал Сауэрберри, прочитав ее, – еще заказ на гроб, не так ли?

– Да, во-первых, на гроб, а во-вторых, на похороны за приходский счет, – ответил Бамбл.

– А кого хоронят? В записке сказано – Мери Байтон. Кто эти Байтоны? Я никогда не слышал этого имени!

– Упрямый народ, – ответил Бамбл, неодобрительно покачивая головой. – Ах, какой это упрямый народ! И притом как горды!

– Горды? – воскликнул Сауэрберри с усмешкой. – Что вы говорите, мистер Бамбл, откуда же это у них гордость-то взялась? Хоронят на приходский счет – стало быть, невелики птицы!

– В том-то и дело, любезный мистер Сауэрберри: нищие, а горды словно принцы. Мы узнали про них только прошлой ночью. Они бы и совсем к нам не обратились, если бы не одна женщина, которая живет по соседству с ними. Это она прислала к нам сказать, что ее соседка очень плоха, и просила прислать доктора, чтобы посмотреть ее. Доктора в это время не было дома, но его помощник, ловкий малый, послал им сию же минуту лекарство в черной бутылке. И что же вы думаете? Ее муж прислал сказать, что лекарство не подходит к болезни его жены, что она его не примет. Ну, как вам это нравится?! Нет, до чего доходит неблагодарность людей: ему послали лекарство – полезное, крепкое лекарство, которое еще на прошлой неделе давали двум мужикам и одному лодочнику (и с большим успехом, могу вам заметить), да притом еще послали даром, в хорошей бутылке... А этот дерзкий негодяй осмелился прислать его обратно, заявляя, что лекарство не подходит для его жены. Не под-хо-дит!

Говоря это, сторож покраснелся от негодования, точно индюк, и постучал своей палкой по прилавку.

– Ну-с, а теперь она умерла, и нам все же приходится хоронить ее за свой счет. Прощайте, любезный мистер Сауэрберри, мне пора идти. А вы, пожалуйста, немедля сходите снять мерку для гроба и поторопитесь с похоронами.

Он простился и ушел.

– Пойдем, Оливер, – сказал гробовщик, берясь за шапку. – А ты, Ноэ, побудь за меня в лавке.

* * *

Они очень долго шли по каким-то незнакомым улицам. Наконец Сауэрберри свернул в узкий переулок и, пройдя немного, остановился и стал отыскивать дом глазами.

Это был очень глухой и грязный переулок, где ютилась самая жалкая беднота: высокие дома, стоявшие по обеим сторонам переулка, были очень старыми; краска давно облезла с их стен, штукатурка осыпалась, стекла в окнах были почти все перебиты, а дыры заткнуты тряпьем и залеплены бумагой. Некоторые дома так обветшали, что, казалось, вот-вот упадут и рассыплются. Часть из них была даже подперта новыми деревянными столбами, врытыми в землю.

В некоторых домах внизу прежде были лавки, но теперь окна и двери заколотили досками. На улице стояла непролазная грязь, валялся всякий сор – видно было, что жильцы выливают помои прямо на улицу. Из черных зияющих ворот со дворов несло нестерпимым смрадом.

И в этой грязи жили и копошились люди: из окон то и дело выглядывали лица. Но что это были за лица! Желтые, осунувшиеся, с провалившимися глазами... Голод был постоянным гостем в этом нищенском углу.

Возле одного двора копошились в грязи несколько оборванных ребятишек, и сердце Оливера сжалось, когда он рассмотрел, насколько они худы и слабы. В одном месте под ногами гробовщика прошмыгнула тощая крыса, и Оливер подумал, что даже этим всеядным грызунам здесь поживиться нечем.

Наконец Сауэрберри нашел нужный дом, вошел в него и стал подниматься по лестнице, ощупывая дорогу руками, потому что здесь было совсем темно. Оливер шел следом за ним.

Добравшись до верхней площадки, они постучали в дверь. Им отворила девочка лет пятнадцати. Из отворенной двери веяло сыростью и холодом, как из погреба. В комнате огня не было, но в вечернем сумраке еще можно было что-то рассмотреть.

Худой высокий человек стоял спиной к двери, рядом с ним на стуле сидела сгорбленная седая старуха. Несколько оборванных детей возились в углу, а прямо напротив двери на полу лежало что-то, прикрытое сверху старым одеялом. Оливер вздрогнул и прижался к своему хозяину, догадавшись, что это тело умершей.

В комнате было совсем тихо, даже дети в углу разговаривали между собой шепотом, а худой мужчина и старуха точно застыли на своих местах, и Оливеру казалось, что перед ним не живые люди, а хорошо нарисованная картина.

Старуха смотрела в одну точку и улыбалась странной безумной улыбкой, и при этом глаза ее ярко блестели. Она была очень худа, из-под ее чепца седыми космами выбивались волосы, рот совсем провалился, и два желтых зуба оскателились наружу.

Сауэрберри, поняв, что его не замечают, сделал шаг вперед и кашлянул. Мужчина вздрогнул, обернулся, и вдруг глаза его засверкали гневом. Он бросился к покойнице и закричал с бешенством:

– Не смейте подходить к ней! Прочь отсюда, проклятые! Говорят вам, идите прочь, коли вам жизнь дорога!

– Ну, полно, полно, милый человек, – сказал ему гробовщик успокаивающим тоном, – не волнуйтесь так.

– Убирайтесь отсюда, говорю я вам! – кричал в бешенстве мужчина, размахивая кулаками и топая ногами. – Зачем вы пришли к нам? Я не хочу, чтобы ее хоронили, я не отдам вам ее! Черви будут терзать ее в могиле, а она ведь и без того уже натерпелась!

И он вдруг упал перед умершей на колени, закрыл лицо руками и разрыдался.

Гробовщик молча нагнулся над покойницей и стал снимать с нее мерку.

– О, станьте на колени, станьте все на колени перед этой страдальцей! – воскликнул снова несчастный муж, поднимая голову. – Знайте, она умерла с голоду! Отдавала нам все, что у нее было, а сама голодала изо дня в день. Силы

уходили, тело слабело, а я и не подозревал о ее болезни, пока лихорадка не стала трепать ее без перерыва, пока кости не выступили у нее под кожей... Она умирала, а у нас не было ни дров, ни свечи. Моя жена умерла в темноте – да, в темноте... Она не могла даже перед смертью взглянуть на своих детей, а ей так хотелось их видеть! Она все звала их по именам... О, моя Мери, моя бедная терпеливая Мери!.. Видя, как она страдает, я пошел собирать милостыню, чтобы принести ей хоть чего-нибудь теплого. Я думал, если Мери поест горячего и сытного, силы снова вернутся к ней... А меня схватили и посадили в тюрьму, потому что вы запрещаете нам собирать милостыню по улицам. Когда я возвратился, она уже умирала, умирала с голоду! А я ничего не мог поделать... Это те, которые запрещают нам собирать милостыню, уморили мою жену!..

Выкрикнув это пронзительным голосом, несчастный вдовец схватился за голову и рухнул к ногам покойницы. Дети начали плакать, и тогда старуха, все время безучастно сидевшая на своем месте, точно проснулась, медленно встала со стула, подошла к лежащему мужчине и, развязав ему галстук, сказала гробовщику с безумной улыбкой:

– Это моя дочь, сэр. Не правда ли, как это странно: я дала ей жизнь, когда была уже взрослой женщиной. А теперь я все еще здорова и весела, а она лежит мертвая и холодная... Как это странно, ужасно странно!.. – и она засмеялась.

Сауэрберри уже кончил снимать мерку и собрался уходить, но помешанная старуха удержала его за рукав.

– Пойдите, пойдите, сэр! – сказала она торопливо. – Вы когда ее похороните: завтра или послезавтра, или, может быть, сегодня ночью?.. Я должна ее проводить, не правда ли? Не забудьте прислать мне теплый салоп [3 - Салоп – широкое женское пальто.], ведь на улице так холодно!.. Нам понадобятся еще пирог и вино, чтобы помянуть покойницу... Ну, впрочем, обойдемся и без вина, пришлите нам только хлеба... Ведь вы пришлете нам хлеба, добрый человек, пришлете?.. – спрашивала она, с лихорадочной торопливостью цепляясь за гробовщика. – Да, да, – сказал Сауэрберри, – у вас будет все, что нужно, – и, высвободив рукав, вышел из комнаты.

На следующий день бедную женщину похоронили; Оливер опять пошел с хозяином, и похороны произвели на него очень тяжелое впечатление.

Несчастный муж был совсем убит горем и двигался как во сне, а помешанная старуха все время улыбалась и оглядывала себя со всех сторон, потому что кто-то одолжил ей теплый салоп.

Когда гроб опустили в землю и куски твердой, промерзлой земли застучали по его крышке, муж лишился чувств, и его еле-еле отпоили водой.

– Ну, Оливер, – сказал Сауэрберри мальчику, когда они возвращались домой, – как тебе все это понравилось?

– Ничего, сэр, – ответил Оливер, но потом, немного подумав, поправился: – Нет, сэр, мне это не очень понравилось.

– Ну, ничего, Оливер, со временем привыкнешь, – вздохнул гробовщик.

Оливер ничего не сказал мистеру Сауэрберри, но подумал про себя: как долго сам хозяин привыкал к этому ремеслу? Вся дорогу мальчик был печален и, вернувшись в лавку, все думал о том, что ему пришлось увидеть вчера и сегодня...

Глава VIII

Оливер взбунтовался

С каждым днем Оливеру жилось все труднее и труднее. В тот год умирало много народа: была сырая, гнилая зима, и люди часто хворали, особенно много умирало детей. Работа у Сауэрберри не переводилась, он всюду брал с собой Оливера, и мальчик очень от этого уставал.

Дома ему жилось несколько не легче. Шарлотта обращалась с ним плохо, потому что так делал Ноэ, в котором она души не чаяла; хозяйка допекала его, потому что вообще привыкла изводить всех в доме; а Ноэ Клейпол и подавно не оставлял Оливера в покое и, кажется, нарочно придумывал все новые каверзы. Когда ему удавалось довести мальчика до слез, он приходил в неопиcуемый восторг.

Как-то раз для Оливера выдался особенно несчастливый день. Ноэ привязался к нему с самого утра и просто не давал проходу: дергал за волосы и за платье, показывал язык, строил рожи, подставлял ножку.

Оливер крепился и молча переносил все это. Слезы давно уже подступали к его глазам, но он решил во что бы то ни стало сдержаться и не плакать, потому что знал, что Ноэ только того и надо, и не хотел доставить ему удовольствия.

Наконец их позвали обедать. Оливер очень обрадовался, надеясь, что Ноэ хоть во время еды прекратит свои издевательства, но не тут-то было. Едва только Шарлотта вышла за чем-то из кухни, Ноэ положил ноги на стол и, скорчив странную гримасу, закричал Оливеру:

– Эй ты, приютское отродье, как здоровье твоей матери?

– Она умерла, – ответил Оливер, вспыхнув как порох, – пожалуйста, не говори со мной о ней!

Клейпол заметил, что у мальчика задрожали губы и что он вот-вот расплачется, и остался этим очень доволен.

– А отчего она умерла, гнусный найденыш? – продолжал он.

– Она умерла от разбитого сердца, так мне сказали в приюте... И мне кажется, я знаю, как умирают от разбитого сердца, – задумчиво произнес мальчик, скорее говоря сам с собой, чем отвечая Клейполу.

Он сложил на груди свои худые руки, поднял у небу печальные глаза, и светлая слезинка тихо покатила по его щеке...

– Ха-ха-ха! Что это у тебя на щеке? Ты плачешь? – воскликнул Ноэ.

– Ничего нет у меня на щеке, – сказал Оливер, торопливо смахивая слезу рукавом. – И не воображай, пожалуйста, что это ты заставляешь меня плакать.

– Значит, не я? – насмешливо спросил Ноэ.

– Не ты, – сердито отозвался Оливер. – И довольно! Не смей больше говорить о моей матери! Слышишь?

– Как? Ты смеешь мне запрещать говорить? Ах ты, дерзкий найденыш! Твоя мать – ха-ха! Да знаешь ли ты, кто была твоя мать? Дрянь она была, вот что!

– Что-о? – закричал Оливер, вскакивая со стула, и побледнел как полотно.

– Как мне ни жаль тебя, мальчик, – продолжал дразнить его Ноэ, – но ведь этому горю ничем не поможешь. Все мы жалеем тебя, но ты же сам знаешь, что она была дрянь!

– Что ты сказал?! – возмутился Оливер, задрожав всем телом и кидаясь к Ноэ.

– Я сказал, что твоя мать была дрянь! – кричал Ноэ, покатываясь со смеху. – И знаешь ли что?

Пожалуй, к лучшему, что она умерла, а то она теперь наверняка сидела бы в тюрьме!..

Тут Оливер, не помня себя от бешенства, кинулся на своего обидчика, опрокинул стул, стоявший у него на дороге, вцепился Ноэ в горло, а потом свалил на пол и стал осыпать ударами.

Страшно было видеть, как ожесточился бедный ребенок: еще несколько минут тому назад он был такой тихий и запуганный, но теперь оскорбление, нанесенное матери, превратило мальчика в зверя. Лицо Оливера побагровело, глаза сверкали, и он с яростью колотил своего мучителя.

– Караул! Помогите! Он убьет меня! Шарлотта, миссис, помогите, новый ученик взбесился! – закричал Ноэ.

Заслышав вопли Ноэ, Шарлота взвизгнула и опрометью бросилась в кухню. Она обхватила Оливера поперек тела, оттащила его от Ноэ и стала осыпать его ударами. Ноэ, поднявшись с пола, напал на мальчика с другой стороны, а хозяйка, прибежавшая на крик, стала тоже помогать им.

Избив Оливера чуть не до полусмерти, они втроем затащили его в чулан и заперли на замок.

Хозяйка в изнеможении опустилась на стул.

– Надо благодарить Бога, что этот разбойник не зарезал нас ночью, пока мы спали! Ах, что я только пережила! – сказала она и принялась громко рыдать.

– И правда, миссис, нас Господь спас, – ответила Шарлотта. – Ну, я надеюсь, что этот случай отучит хозяина брать в дом приютских зверенышей! Поверьте моему слову, миссис, они уж отроду все мошенники и грабители. Бедняжка Ноэ! Верите ли, он был почти мертв, когда я вошла!

– Бедный мальчик! – сказала миссис Сауэрберри.

А «бедный мальчик», который, кстати сказать, был на целую голову выше Оливера, тер себе глаза кулаком и корчил рожи, чтобы выжать из глаз хоть одну слезинку.

– Однако, что же нам делать? – спросила хозяйка. – Хозяина нет, в доме ни одного мужчины, а этот урод запросто может выбить дверь!

И в самом деле удары так и сыпались в дверь чулана: это Оливер колотил в нее руками и ногами, требуя, чтобы его выпустили.

– Ох, миссис, не послать ли за полицией? – подсказала Шарлотта.

– Или за солдатами? – добавил Ноэ.

– Нет, не нужно, – решила хозяйка. – Ноэ, беги к мистеру Бамблу и попроси его сейчас же пожаловать к нам. Расскажи ему, что у нас случилось.

Приложи нож к синяку, чтобы остановить опухоль, – и беги что есть духу!

Глава IX

Бегство Оливера

Ноэ со всех ног бежал по улицам, без шапки, всклоченный, с остатками слез на лице, с ножом у глаза, не обращая внимания на то, что все встречные сторонились от него. Он перевел дух только у дверей приходского приюта. Здесь он скорчил самую жалкую гримасу и принялся стучать в дверь, вопя во все горло:

– Мистер Бамбл, мистер Бамбл!

Услышав эти крики, приходский сторож так испугался, что выскочил на улицу с непокрытой головой.

– Ах, мистер Бамбл! – закричал Ноэ, увидев его. – Пойдемте скорее, посмотрите, что наделал ваш Оливер!

– Что, что такое случилось? – встревожился сторож. – Уж не сбежал ли он? Ведь не сбежал, нет?

– Нет, он не сбежал, но сделался разбойником! – ответил Ноэ. – Он хотел убить меня, а потом он чуть не пришиб Шарлоту с хозяйкой! Ах, какая ужасная боль! Ох, какое мучение!

И Ноэ начал корчиться, чтобы показать Бамблу, как сильно он пострадал во время схватки с Оливером.

Сторож проворно сбежал за своей шляпой, взял палку и отправился с Ноэ в лавку гробовщика.

Когда они пришли туда, Оливер все еще продолжал неистово колотить в дверь.

Бамбл осторожно подошел к двери, слегка постучал в нее своей палкой и сказал громко и строго:

- Оливер!

- Да отворите же дверь, говорят вам! – закричал обозлившийся Оливер, даже не слушая его.

- Узнаешь ли ты мой голос, Оливер? – спросил сторож.

- Да, узнаю, – отозвался мальчик.

- И после этого вы, сударь мой, не ужасаетесь?

Не трепещете от моего голоса?

- Нет, – твердо прозвучало из-за двери.

Услышав такой ответ, мистер Бамбл выпрямился и многозначительно обвел всех глазами.

- Ах, я думаю, мистер Бамбл, что он просто сошел с ума, – покачала головой хозяйка. – Иначе он не осмелился бы так говорить с вами.

- Нет, миссис, это не сумасшествие, – сказал Бамбл и, немного подумав, прибавил: – Это, миссис, мясо!

- Что-о-о? – изумленно протянула жена гробовщика.

- Мясо, миссис, мясо! – ответил значительно Бамбл. – Вы слишком много и хорошо его кормили. А этих людей нельзя так кормить! Если бы вы давали мальчишке один хлеб, поверьте, с ним бы не случилось ничего подобного.

- Боже мой! – воскликнула хозяйка. – Так вот до чего довела меня моя щедрость! (А щедрость миссис Сауэрберри состояла в том, что она кормила мальчика обедками, не годными для собаки!)

– Знаете что? – почесал голову приходский сторож. – Мой вам совет: продержите его целый день без еды в чулане, чтобы он поослаб с голодухи, а потом уж выпускайте. Да держите его уж все время только на хлебе и воде. Он из дурной семьи. Это раздражительный народ, очень раздражительный!

Тут в лавку вошел вернувшийся хозяин. Все тотчас кинулись к нему с рассказами и наперерыв спешили сообщить о том, что случилось. И так постарались расписать дело, столько наврали и приплели, что хозяин перепугался не на шутку.

Сауэрберри кинулся к чулану, отпер его, схватил Оливера за шиворот и втащил его в лавку. Боже, в каком мальчик был виде! Вся его одежда была изорвана в клочья, лицо вспухло от побоев, из носа текла кровь... Но он вовсе не казался испуганным и злобно посматривал на Ноэ.

– Да ты с ума сошел, брат! – сказал хозяин, рванув ученика за ухо.

– Он бранил мою мать, – сказал Оливер.

– А хоть бы и так, скверный мальчишка, – вмешалась хозяйка, – стало быть, она заслужила этого!

– Неправда!

– Врешь, заслужила! – не сдавалась хозяйка.

– Сами вы врете! – сверкнул глазами Оливер.

Жена гробовщика залилась горькими слезами, а сам Сауэрберри накинулся на Оливера, избил его и опять запер в чулане.

Там продержали его до самого вечера. Когда все стали ложиться спать, хозяйка отперла чулан и крикнула мальчику, чтобы тот убирался в лавку.

Оставшись один, Оливер дал наконец волю своему горю. Весь день он не обращал внимания на насмешки и ругательства, молчал, когда его били.

Но теперь, когда никто не мог его видеть и слышать, он упал на свой тюфяк, закрыл лицо руками и заплакал горькими-горькими слезами... Не дай Бог так плакать ни одному ребенку на свете!

* * *

Когда свеча стала догорать, Оливер встал, отодвинул дверной засов и выглянул на улицу.

Была холодная темная ночь. Ребенку казалось, что никогда еще звезды не были так далеки от земли, как сегодня. Ветер стих, черные длинные тени, бросаемые деревьями на землю, были неподвижны.

Оливер тихо затворил дверь, связал в узел свои пожитки и стал дожидаться рассвета...

Как только первый луч солнца проскользнул сквозь щели ставень, Оливер взял свой узелок, потихоньку отворил дверь и вышел наружу. На улице было совсем пусто и тихо, окна соседних домов закрыты ставнями.

Оливер посмотрел направо-налево, решая, в какую сторону ему направиться. Он вспомнил, что все повозки при въезде в город поднимались в гору, - и пошел под гору.

Дорога шла как раз мимо дома старухи Менн, где он жил когда-то. Подойдя к знакомой калитке, Оливер остановился и украдкой заглянул в сад. Там на земле сидел какой-то мальчик и полел грядку. Он поднял на мгновение голову, и Оливер узнал маленького Дика, своего прежнего любимого товарища.

Их глаза встретились, и бледное маленькое личико Дика озарилось радостной улыбкой. Он узнал Оливера, подбежал к калитке и протянул ему сквозь железные прутья свою исхудалую руку.

- Тс-с-с, Дик! У вас встали уже? - спросил шепотом Оливер.

- Нет, все спят, только я встал. Я теперь вообще плохо сплю.

– Не говори никому, что видел меня, Дик, – попросил Оливер. – Я убежал от хозяина. Они били и обижали меня, Дик, и я не мог больше этого терпеть... Теперь пойду искать счастья куда-нибудь далеко-далеко... Я еще и сам не знаю, куда пойду. Какой ты бледный, Дик! Отчего ты такой бледный?

– Я очень болен, – ответил Дик, хватаясь за грудь, стараясь сдержать приступ кашля. – Доктор говорит, что я скоро умру! Хорошо, что нам удалось повидаться, но ты уходи отсюда, уходи, пока никто не видит!

– Да, мне пора, – кивнул Оливер. – Прощай, Дик. Я еще увижу тебя, и тогда ты будешь, наверное, здоров и счастлив.

– Я буду счастлив, когда умру, – улыбнулся Дик, и его лицо осветилось какой-то неземной радостью. – Я знаю, что доктор сказал правду. Если б ты знал, Оливер, какие удивительные сны я вижу! Мне снится много-много света и такие ласковые лица, каких нет здесь, на земле... Они зовут меня к себе. И среди них моя покойная сестрица... Улыбается мне и манит ручками к себе... Да, Оливер, я рад, что умру. Если бы я долго жил на земле, моя маленькая сестрица на небе, пожалуй, забыла бы про меня и разлюбила бы. А мне так хочется увидеть ее поскорее! Прощай, Оливер, да благословит тебя Бог, дружище!

И мальчики расстались. Оливер быстро шел вперед по дороге и думал о своем маленьком товарище. Слова Дика так и звенели у него в ушах: «Да благословит тебя Бог, дружище».

Это было первое благословение в жизни, какое услышал Оливер. И среди всевозможных испытаний, страданий и перемен жизни он никогда не забывал об этом напутствии своего умирающего друга – своего первого и долгое время единственного друга на белом свете.

Глава X

Оливер отправляется в Лондон

Оливер все шел и шел по большой дороге. Он так боялся, как бы его не догнали, что до самого полудня ни разу не отдыхал. Наконец он присел на придорожный камень и впервые задумался над тем, куда ему идти и как жить.

На указателе большими буквами было написано, что до Лондона еще сто миль. «Лондон ведь это такой громадный город, – подумал мальчик, – там никто, даже сам мистер Бамбл не сможет меня найти». Ему не раз приходилось слышать, как в приюте говорили, что ни один малый не пропадет в Лондоне, если у него есть голова на плечах.

И Оливер решил отправиться в Лондон. В его узелке был спрятан кусок хлеба, старая рубашка и две пары носков, а в кармане он берег еще три пенса, которые гробовщик подарил ему как-то раз после выгодных похорон. В этом и заключалось все состояние мальчика.

В тот день он прошел тридцать миль, и за все это время съел лишь свой маленький кусочек хлеба и запил его несколькими глотками воды, которую удалось раздобыть по дороге.

Когда наступила ночь, мальчик забрался в стог сена на самом краю деревни и решил проспать здесь до утра. Было очень холодно, голод мучил его немилосердно. Он долго с замиранием сердца слушал, как жутко завывает в поле ветер, но потом усталость все-таки взяла свое, и Оливер заснул крепким сном, до утра забыв обо всех своих печалях и заботах.

На рассвете мальчик проснулся от холода и не мог больше заснуть. Напрасно он дул на свои руки и старался поглубже зарыться в сено, – холод так и пробирал его до костей. Оливер решил, что лучше встать и идти дальше, но, когда поднялся на ноги, перед глазами у него все завертелось и к горлу подступила тошнота. Голод давал себя знать. Делать нечего, пришлось вынуть из кармана заветные три пенса и купить на них в деревне хлеба.

В этот день Оливер прошел только пятнадцать миль, да и то с большим трудом. Он совсем обессилел, ноги отказывались идти, колени дрожали и подгибались, а ночевать опять-таки пришлось в поле.

Проснувшись на следующий день, мальчик к своему ужасу обнаружил, что не может больше идти. Голова кружилась, ноги болели невыносимо, а в желудке

страшно сосало. Оливер сидел на пригорке и плакал от бессилия, когда вдали показалась почтовая карета.

Маленький беглец решил попросить у пассажиров взять его с собой. С каким нетерпением ждал он, когда карета наконец приблизится к нему! И вот она все ближе и ближе, уже слышен грохот ее колес, хлопанье бича. Оливер собрал последние силы и, размахивая своей шапчонкой, подбежал навстречу карете, громко крича, чтобы его взяли.

Карета остановилась. Но узнав, что у мальчика нет денег, чтобы заплатить за проезд, кучер рассердился, обругал его и тронул опять лошадей. Напрасно Оливер бежал за каретой и умолял пассажиров взять его с собой – они только смеялись. Какой-то толстый господин пообещал дать мальчику пенни, если тот будет бежать наравне с каретой до следующего пригорка.

Оливер попробовал, но сил у него совсем не было. Он быстро отстал от кареты, не мог уже больше ее нагнать и остановился. Толстый господин, увидев, что мальчик далеко, преспокойно опустил монетку назад в карман, проворчав, что эта ленивая собака не стоит ни гроша.

Карета катилась все дальше и дальше, оставляя за собой огромное облако пыли, и скоро совсем скрылась из вида. Оливер беспомощно опустился на холодную землю и разрыдался.

Дав волю слезам, он поднялся и поплелся дальше. Мальчик просил милостыню по деревням, но редко кто подавал ему, чаще бранили и прогоняли. В некоторых селениях имелись объявления о том, что здесь за прошение милостыни сажают в тюрьму. Мимо таких деревень Оливер бежал без оглядки и прятался по канавам, чтобы его не увидели и не забрали в участок.

Только раз какая-то добрая старушка, сжалившись над несчастным беглецом, зазвала его к себе, досыта накормила и обласкала. Милая сердобольная старушка! Ее участие поддержало и ободрило Оливера в одну из самых трудных минут жизни, когда доброе слово было дороже всего на свете.

* * *

На седьмой день Оливер рано утром вошел в маленький городок Барнет, который располагался неподалеку от Лондона.

На улицах было пусто: ставни домов еще закрыты, нигде не видно ни души. Солнце всходило во всей красе, но оно не радовало усталого мальчика, когда, весь в пыли и в поту, с израненными ногами, он присел отдохнуть на крыльце одного дома.

И тут он заметил, что с другой стороны улицы на него смотрит какой-то мальчик. Сначала Оливер не обратил на него внимания. Но незнакомец так долго и пристально рассматривал его, что Оливер почти невольно поднял голову и повернулся в его сторону. Мальчик перешел через улицу и подошел:

– Ну что, птенец, в чем дело?

Паренек сам был не старше Оливера, но держал себя совсем как взрослый. Он был очень неказист с виду: маленький, худой, грязный, с вздернутым носом и с каким-то птичьим задорным лицом. На нем был длиннополый сюртук, явно с плеча взрослого мужчины, доходивший почти до пят, шляпа сдвинута на затылок, руки в карманах. Он держал себя очень важно и гордо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Приход – здесь: мелкая административная единица, имеющая орган самоуправления.

2

Пенька – сырье из волокон конопли, применяемое для изготовления веревок.

3

Салоп – широкое женское пальто.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/charlz-dikkens/priklyucheniya-olivera-tvista-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)